

Ч И Т А Й Т Е Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й И Н Т Р И Г И

А Н Н Ы Д А Н И Л О В О Й

- Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
- Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроштики Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной
ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Коперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневоm саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы

Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая
ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры

АННА ДАНИЛОВА

Она написала свой сценарий...

ПРОКЛЯТИЕ КЛЕОПАТРЫ

Москва 2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Проклятие Клеопатры : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-092188-1

Погожий день, типичная московская пробка, белый кабриолет, за рулем шикарная блондинка Зоя. Она лишь на секунду расслабилась под звуки любимой арии Моцарта...

Зоя открыла глаза и ужаснулась: выдавшие виды развалюха «Жигули», сзади — белый кот с зелеными глазами, за рулем — неизвестная личность жуткого вида со всеми следами алкогольного отравления, при этом у девушки — дикая головная боль и полное отсутствие понятия о том, кто ты, откуда и что здесь делаешь... Недолгое пребывание в запущенном деревенском доме поставило девушку перед очень сложным выбором: играть по правилам тех, кто мнит себя кукловодами, или написать собственный сценарий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092188-1

© Дубчак А.В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

1.

Она давно уже не обращала внимания на зевак, на удивленные, восхищенные или завистливые взгляды тех, кто окружал ее в московских пробках. Она крепко держала руль своего автомобиля, белого, открытого, и наслаждалась тем, как легкий ветерок развеивал ее длинные светлые волосы, приятно охлаждал лицо. Она давно уже жила в своем мире, где ей было комфортно, хорошо и где она точно знала, что ей нужно от этой жизни и что она может дать этому миру сама.

Мысленно она отгородилась ото всех прозрачным куполом, который сотворила сама и куда практически никого не впускала. Единственный человек, которого она готова была принять в свою жизнь и любовь к которому согревала ее и придавала сил, был очень далеко. Если и вообще был. Быть может, она придумала его сама? Очаровалась им? Все может быть. Но пусть даже придуманный, он наполнял ее жизнь смыслом.

Иногда рядом с ней опускалось стекло какой-нибудь машины, и она слышала очередное предложение или пошлый комментарий. Это были мужчины, особое племя людей, которых она не понимала и считала существами низшего порядка. Конечно, были и исключения, и она

воспринимала их как особую касту. Это были талантливые, наделенные особыми способностями и душой личности, и многие из них входили в ее близкий круг, четко очерченный ею. Но их было так мало!

В тот день на ней была белая шелковая блузка, поверх которой она набросила голубой джемпер. Голубые джинсы, белые мокасины. В ушах — яркая бирюза серег, на пальцах — бирюза, оправленная в золото. День был солнечный. Хотя и ветреный.

— Как ты, Лора? — Она повернулась и подмигнула собаке, черному кокер-спаниелю с шелковистой, блестящей на солнце шерстью. Расположившись на заднем сиденье, Лора послушно переносила пробку и мысленно, наверное, злилась на всех тех, кто забил машинами широкий проспект.

— Хочешь арию Царицы ночи?¹ — спросила Зоя и, не дождавшись ответа, включила Моцарта. Тихо, чтобы не дразнить всех тех, кто слушал поблизости режущую ухо попсу.

Сколько еще продлится это мучение? Может, книжку почитать? Карола Агаи² выводила свои трели не хуже соловья.

Зоя прикрыла глаза, и почти тотчас Царица ночи словно споткнулась, трели начали искажаться и вот на самой высокой ноте оборвались, уступая место хриловатому, с эстрадным душком, голосу, который выводил пошловатый текст...

¹ Царица ночи — персонаж оперы Моцарта «Волшебная флейта».

² Карола Агаи — венгерская актриса.

Она распахнула глаза и увидела перед собой грязное, поливаемое дождем ветровое стекло, за которым тянулась серая, в сельских декорациях дорога. Зоя тряхнула головой, снова закрыла глаза и открыла их. Пейзаж не менялся. Она осторожно повернула голову и увидела сидящего на водителеском месте мужика. Недельная щетина на впалых смуглых щеках, крупный нос, во рту сигарета. На нем была зеленая куртка, худую шею обнимала горловина серого шерстяного свитера. Салон старого, местами в проплешинах синей изоленты автомобиля заполнялся горьким табачным дымом и вульгарной музыкой.

— Где я?

Мужик, бросив на нее унылый взгляд, хмыкнул и покачал головой:

— Очнулась... Ты кто такая-то? — Голос был неприятный, гнусавый.

— Я?.. — Зоя осмотрелась. На заднем сиденье сидела белая кошка. Зеленые ее глаза глядели на нее встревоженно. — А ты кто?

— Олег.

— И что? Куда мы едем?

— Домой, куда же еще?

— Куда домой? К кому домой?

— Ты чокнутая, что ли? Ко мне домой, конечно!

— А как я оказалась в твоей машине?

— Ну ты, мать, сбрендила окончательно! Что, крышу сорвало?

— Останови машину. Немедленно!

— Да, прямо сейчас и остановлю. А потом кто заводить-то будет? Ты, что ли?

Она ничего не понимала. Совсем.

— Мы знакомы?

— Ну, если ты скажешь мне, как тебя зовут, то будем считать, что мы знакомы.

Она силилась вспомнить свое имя, но так и не смогла.

— Я не знаю...

— Говорю же — крышу снесло! Капитально!

— Как я оказалась здесь?

— На дороге подобрал. Валялась, как труп, блин. Я вообще думал, что не довезу тебя. Но, слава богу, очнулась. Откуда ты такая?

— Ниоткуда.

Зоя была так слаба, что даже говорить не было сил. Голова страшно болела. Она потрогала ее руками — вроде бы раны нет, крови тоже. Слабый аромат духов начал было продвигать ее сознание куда-то вглубь, в какой-то цветной тоннель, но очень скоро все оборвалось.

— Где мы?

— В России, мадам. Вы — в России. Такой ответ вас устроит?

— Ты дурак, что ли? Я спрашиваю, где именно мы находимся?

— Вот приедем в деревню, и увидишь. Километров пять еще ехать.

Она замолчала. Какая еще деревня? Что она здесь делает?

Она осмотрела себя. Красный свитер, джинсы, кеды. Все старое, грязное. Страх душил ее. Куда ее везут? Что еще за деревня?

Он не ответил. Мужик, который назвался Олегом, молча крутил руль, лавируя между рытвинами. Машина — Зоя уже поняла, что это старый

«Москвич», — подпрыгивала на кочках, а иногда колеса увязали в глубоких, полных воды лужах.

Указатель, синяя табличка с белыми буквами, показался Зое каким-то нереальным, словно указывающим в призрачную деревню Черная. Может, это все-таки сон? Она захлопала глазами. Потом слегка ущипнула себя. Нет, проснуться не удалось. Она вытянула руки и принялась рассматривать пальцы. Белые поперечные полоски на пальцах указывали на то, что когда-то она носила кольца и что где-то успела хорошенько загореть.

Промелькнул кадр в больной памяти — большой голубой камень на пальце. И все исчезло. Что это за камень? Бирюза?

— Отвези меня в полицию, — сказала она и напряглась. Потому что от ответа могло зависеть многое. В полиции ей помогут, хотя бы попытаются помочь. А может, отправят в больницу, где ей вернут память. Сколько уже таких историй случилось! Люди без памяти — беспроегрышный сюжет любого телевизионного шоу. Губы ее тронула горькая усмешка — она тоже может стать героиней такого вот шоу, и люди будут пялиться на нее и вспоминать, не пересекались ли их пути с этой девицей с безумным взглядом и в красном свитере.

— Неа, не отвезу. Ты мне самой понадобишься.

— В смысле? — У нее от страха свело живот. — Ты чего говоришь-то?

— Да нет! Не бойсь, я не в том плане. Я не сильник какой. Просто поможешь мне, ну, как баба. Приберешься в доме, пожрать сготовишь.

— Слушай, ты лучше высади меня здесь, ладно? — Она попыталась говорить с ним мирно.

— Да мы уж приехали! Вот если бы раньше мне сказала, я бы, может, и высадил. А сейчас чего? Говорю ж — приехали.

Машина запрыгала по ухабам по довольно широкой деревенской улице, замелькали крыши домов, зеленые мокрые сады, аккуратные участки с грядками.

Она вдруг подумала, что самое важное для нее сейчас — это набраться сил. Он везет ее к себе домой. Вот там она сделает вид, что у нее сил нет совсем и, типа, потеряет сознание. Тогда ему ничего другого не останется, как уложить ее в постель. Может, она сразу уснет, а если нет, то попросит хотя бы хлеба. Надо восстановить физические силы, а уж с головой она как-нибудь разберется.

Машина остановилась перед деревянными воротами, Олег вышел из машины и распахнул их. Вернулся в машину, мотор которой продолжал работать, и въехал в просторный, хотя и захламленный двор. Закрыл ворота.

— Я не могу идти, — сказала она чистую правду. Хотела соврать, что сил нет, а оказалось, что на самом деле не может идти.

— Ну ладно, — Олег невозмутимо вытащил ее за руки из машины и, как мог, неловко поднял и понес к крыльцу.

Дверь дома, серого, старого, неказистого, с голубыми наличниками, он открыл ногой. Внес Зою в темные, пропахшие плесенью и керосином сени, посадил на какой-то сундук, быстро открыл

тяжелую деревянную дверь, выкрашенную рыжей масляной краской, и снова поднял на руки. Внес в маленькую, без окон комнатку и опустил на кровать. Ноги ее, неподвижные, уложил поверх голубого покрывала, прикрыл ватным пестрым одеялом.

— Ну ты, это, лежи... Я чайник согрею. Ты голодная?

Она кивнула головой. Что с ней? Почему тело ее не слушается? Но она точно не парализована, в машине-то она двигалась. Значит, не так уж все и страшно.

— Олег, постой...

Он вернулся, посмотрел на нее, обхватив большим и указательным пальцами правой руки свой заросший подбородок.

— Да не спрашивай ты меня ни о чем, не знаю я! — наморщив лицо, сказал он. — Подобрал на обочине, минут сорок тому назад. Больше я ничего про тебя не знаю.

— Может, ты мне врача вызовешь?

— А что с тобой не так? Руки-ноги целы, ты, это, стресс пережила, вот тебя и забуратило.

— Что-что?

— Ну, ты как буратино стала, не гнешься. Все пройдет.

— Я теперь, типа, в плену? — Она перешла на его язык. — Типа, да?

— Некогда мне с тобой! Вижу, что полы здесь мыть ты еще не скоро сможешь, а это значит, что мне теперь еще придется тебе картошку или яйца жарить, чтобы ты тут окончательно не очоурилась.

— У тебя сердца нет, — попробовала она вызвать к его душе.

— Это у вас, у баб, сердца нет.

С этими словами он вышел из комнаты, и Зоя, лежа с закрытыми глазами, пыталась представить себе, чем хозяин этого убогого жилища занимается там, в большой комнате и на кухне.

Судя по звукам, он где-то лил воду, может, в доме нет воды, и он наливал из ведра, предположим, в миску или кастрюлю. Потом по дому поплыл запах жареных яиц. И в какой-то момент стало очень тихо. Зоя начала считать, потом сбилась со счета и на некоторое время уснула.

Открыла глаза — Олег теребил ее за плечо.

— Вот, — он протягивал ей стакан с молоком. — Правда, холодное, из холодильника, соседка дала в долг.

В мозгу сверкнула молния и осветила картинку: белая кухня, на плите кастрюлька с молоком, и звучит детский смех...

— Катя... — прошептали ее губы.

— Что, вспомнила, как тебя зовут? — Он принял из ее рук пустой стакан. Зоя вытерла губы ладонью и снова откинулась на мягкие подушки.

— У меня кольца были, — сказала она и тут же предположила: — Золотые.

— Дура, я не вор, поняла? Еще раз что-нибудь подобное скажешь — выставлю на улицу. Прямо под дождь. А ты и так больная вон какая, схватишь воспаление легких и останешься умирать где-нибудь в луже.

Перспектива безрадостная.

— Ладно, извини.

— Сейчас яйца принесу.

Она съела яичницу из двух яиц, слегка поджаренную, но оттого показавшуюся очень вкусной. Попросила еще молока, выпила.

— Ты поспи, а я, того, тоже прилягу отдохнуть. Зоя после ужина снова уснула.

2.

— Ты вообще-то представляешь себе, сколько мы уже вбухали в твою балетную школу? Герман Иванович только и делает, что платит за твою учебу, твои наряды. А у нас тоже дети есть, между прочим, и их обучение стоит сама знаешь сколько. Лондон — как прорва, все сжирает.

Она хотела сказать им, что их мальчишки-близнецы там, в далеком Лондоне, наверняка тратят эти деньги на выпивку да девчонок. Она судит по тем видео и фотографиям, которые Егорка и Влад присылают ей на Фейсбук или электронную почту. Знают, шельмы, что она их не предаст, не выдаст. Они нормальные пацаны, добрые, да несерьезные.

Осиротев после смерти матери, Зоя переехала из своей квартиры к тете Ире, родной сестре мамы. Квартиру тетя Ира сразу же сдала квартирантам, а Зою поселила в маленькую комнатку рядом с комнатой своих сыновей-близнецов. Целый год Зоя привыкала и к тому, что осталась одна, без мамы, и к семье тети, с которой была слегка знакома, так как мама не очень-то роднилась с сестрой, и к квартире, где все было чужое и где

она боялась до чего-либо дотронуться. Тетя Ирина и ее муж Герман Иванович относились к ней хорошо, заботились о ней, особенно же старались накормить как следует, но для нее важным было другое — занятия в частной балетной школе, где она к тому времени уже проучилась целый год. Занятия были дорогими, но Герман Иванович прямо на поминках, где собрались все их друзья и родственники, торжественно пообещал выучить «племяшку» в школе и постараться помочь ей при поступлении в «нормальный вуз».

Зоя же себя в нормальном вузе не видела. Ей неинтересно было ничего, кроме танца. Безусловно, незрелая в своих планах и фантазиях, она видела себя только на сцене, весьма смутно представляя весь путь танцовщицы от учащейся хореографического училища (куда не поступила) до примабалерины Большого театра. И напрасно тетя Ира внушала ей мысль о том, что ей нужно получить нормальное образование, получить специальность.

— Я — танцовщица, — говорила она, собирая свой рюкзачок, набивая его до отказа: майка, полотенце, пуанты, моток пластыря, гель для обезболивания, коробочка со шпильками.

— Это не профессия, — увещевала ее тетка, — а так, одно баловство. Кем ты будешь, чем будешь заниматься? Танцульками? Они же не прокормят тебя, а мы с Германом Ивановичем...

Ей было уже двадцать, до окончания балетной школы оставался ровно год, и упреков со стороны родни становилось все больше и больше. Конечно, больше всех Зое доставалось от тети Иры.

Если не попрекала балетной школой, так начинала озвучивать суммы, которые тратились на ее пачки, пуанты, купальники, даже сетки для волос! А ведь все это стоило не так уж и дорого, если учесть те деньги, что семейство получало от аренды маминой квартиры. Когда же Зоя попробовала заявить, что хочет жить самостоятельно, в своей квартире, в семье произошел скандал, тетя Ира быстро поставила ее на место, заявив, что несет ответственность за нее перед покойной сестрой и что, пока Зоя не станет зарабатывать сама, ни о какой самостоятельности не может быть и речи. Герман Иванович во время этих ссор все больше отмалчивался или тихо поддакивал жене.

— Зоенька, дочка, да успокойся ты уже! Занимайся своими танцами, а там видно будет, — говорил он ей, когда они оставались одни дома. — Не обращай внимания на Ирочку, она же тебе только добра желает.

Зоя все чаще стала ночевать у подружек, которые жили кто в общежитии, а кто на съемных квартирах. Она завидовала их самостоятельности, в то время как они завидовали ей, домашней девушке, у которой была крыша над головой, бесплатная еда и карманные деньги.

Девушки не тешили себя иллюзиями, все знали, что после окончания школы в лучшем случае устроятся в кордебалет или будут работать в массовках в театрах. Никто не грезил Большим театром, не обольщалась на этот счет и Зоя. Возможно, не будь она в таких сложных отношениях с родными, то послушалась бы их совета и поступила бы куда-нибудь в «нормальный» вуз или хотя